

Точка зрения

Вениамин КАВЕРИН: «ПАМЯТЬ— ЭТО КЛЮЧ ОТ БЫЛОГО»

«Если прежде я пользовался ключом воображения, то теперь в моих руках другой ключ — память. Тяжелый, с трудом поворачивающийся, он похож на те ключи, которыми прежде запирали города. Как в русской пословице, этот ключ — тяжелее замка». Так считает Вениамин Александрович Каверин, наш сегодняшний собеседник.

В. А. Каверин родился в 1902 году. Первая книга «Мастера и подмастерья» увидела свет, когда автору был 21 год. В прошлом году вышло собрание сочинений писателя в восьми томах — итог его более чем 60-летней литературной деятельности.

— Вы сказали об одном из своих талантливых друзей: «...был в его жизни еще один большой страх — тайное опасение, что он работает не в полную силу». Судя по всему, и вам самому хорошо знакомо подобное опасение.

— Да, это так. Стараюсь работать в полную силу. А только тот, кто работает много, и может научиться работать в полную силу. Работая вполсилы, многого не успеешь, многое упустит из виду. Не знаешь, на что ты способен.

В молодости я был честолюбив. И иногда корил себя за это. Но и в ту пору, трезво взвешивая свои возможности, свои способности, я не считал себя выдающимся талантом. Перед глазами был пример таких писателей, как Тютчев, Булгаков, я никогда не смел и не смею равнять себя с ними. Это скажется и в моей манере работы. Пишу всю жизнь трудно, медленно. Вероятно, под влиянием собственной практики у меня даже возникло убеждение: все, что пишется легко, почти всегда не удается.

Тютчев в течение полутора месяцев написал «Кюхлю», Стендаль за два месяца продиктовал «Пармский монастырь». Фантастика! Мои черновики занимают громадные полки. И это при том, что я переписываю свои работы не по восемь раз, как советовал Гоголь, а всего по три-четыре. Исправляю же всю жизнь. «Два капитана» писались пять лет. А над «Открытой книгой» я работал без малого десятилетие. Бездна труда, который вложили в свою жизнь ученые-бактериологи, мои герои, стала для меня бездной изучения этого труда.

— Жорж Сименон говорил, что старается как можно быстрее, в считанные недели, освободиться от ненаписанного романа — написать его, боясь, что

в противном случае его герои сведут его с ума. Как же уживается вы с долгосрочным пребыванием в вашем сознании только нарождающихся многочисленных и отнюдь не «покладистых» героев будущих книг?

— Я не тороплюсь... Многолетний опыт помогает мне не торопиться. Я даю своим героям пожить во мне, даю себе пожить их жизнью. Если не жить жизнью своих героев, характер не получится живым, близким к реальному. Виктор Шкловский как-то заметил, что в разгаре работы вещь начинает себя писать сама. Это умно. Это точно.

Научившись по-настоящему трудиться, каждый человек на своем месте способен испытать высшее доступное человеку наслаждение. Да и вполне успеваешь жить и самой обыкновенной жизнью. Я не могу сказать, что во многом отказывал себе в жизни — лишь в том, что мне, в сущности, и не очень-то требовалось.

— Не возникало ли у вас порою ощущения, что популярность «Двух капитанов» как бы заслонила от читателей другие ваши романы, мешая по достоинству оценить их? Не получилось ли, как это бывает, когда попадаешь в общество знаменитого человека, замечают лишь его, и никого больше?

— Я уже говорил как-то о том, что читательский успех — подчас грозный признак. Нечитающий читатель может научить большому, чем легкий успех у нетребовательного читателя. Легкий успех в пору моей зрелости мне неведом. Но мои книги читают, их знают. Хотя, естественно, популярность их различна.

— Был ли у вашего Сани Григорьева из «Двух капитанов» прототип?

— Капитан Григорьев «начался» с моей встречи с одним молодым человеком в санатории под Ленинградом, где я отдыхал в 1936 году. «Вы знаете, кем бы я стал, если не революция? Разбойником», — мне часто вспоминались потом эти слова моего собеседника. Увидеть мир глазами юноши, потрясенного идеей справедливости, — эта задача представлялась мне во всем ее значении. Я понял, что тихая жизнь провинциального городка тридцатых годов нашего столетия, озаренная светом арктических звезд (тогда мы начали широкое наступление на Арктику), заключает в себе нечто большее, чем только сцены из частной жизни.

— Девиз вашего романтиче-

ского, идеального, можно сказать, героя «бороться и искать, найти и не сдаваться» всколыхнул миллионы молодых людей, побудил их к тому, чтобы энергичнее искать себя, свое место в жизни.

— Знаете, я никогда не стремился писать такое произведение, в котором главный герой состоял из одних положительных, безупречных во всех отношениях качеств. Это вышло даже помимо моей воли. Наверное, просто потому, что мне всегда нравились люди с твердым характером, с ясно поставленной жизненной целью. Примеры таких людей у меня с детства были перед глазами — два моих старших брата активно участвовали в гражданской войне.

— В годы вашего литературного дебюта изобретательная выдумка значила для вас больше, чем то, что можно назвать «достоверностью» жизненных наблюдений. Что побудило вас изменить прежней манере?

— Я начинал с фантастических рассказов. Там действовали алхимики, фокусники, средневековые монахи. Но менялась жизнь, и я вместе с ней. Я чувствовал, что отвлеченная игра фантазии уже никого не может удовлетворить — ни моих читателей, ни меня самого. И книга «Художник неизвестен» уже всерьез касалась действительно жизненных проблем, волновавших многих, в частности новую советскую интеллигенцию. Но стиль был парадоксальный, эксцентрический, далекий от простоты.

— Выходит, это не фраза: время диктует?

— Время идет, многое меняется... Если бы Островский увидел пьесу Брехта, он упал бы в обморок, потрясенный теми новыми возможностями, о которых он в его время и думать не мог. Стиль — это человек. Добавлю — человек своего времени. Словом, я стал искать ту манеру выражения, тот стиль, которые помогли бы мне отразить быстро текущую, быстро меняющуюся жизнь. Вещественность истории я впервые, кажется, почувствовал еще в 1918 году в оккупированном немцами Пскове, но осознал это позже, позже понял, что люди, которых я вижу и знаю, — действующие лица исторической хроники, что захватывающие события — перед глазами.

Перелом в моей работе наступил в 1934 году — в тот год, когда проходил первый съезд советских писателей, в котором я участвовал. Съезд

стал событием, заставившим задуматься очень многих о том, каким же путем идти дальше в своей работе. Не только я — многие понимали, как важно писать в новом, связанном с современностью ключе. Полвека, миновавшие после первого съезда, показали, насколько значительно было для нашей литературы все то, о чем говорилось тогда.

Я искал простую фразу. Мне было трудно. В романе «Исполнение желаний», который затем я еще много раз переделывал, в поисках ясности и простоты пожертвовал даже «мелодией» прозы. В лаконичной манере написал и роман «Двойной портрет», а также мой лучший, как я считаю, роман «Перед зеркалом».

— С годами ваша проза стала более динамичной, более молодой, если угодно.

— Мой любимый афоризм — слова Пикассо: «Надо потратить много времени, чтобы стать, наконец, молодым».

— Но во многом вы остались прежним. Вас всегда, кажется, считали «книжным» писателем, поговаривали даже, что, пропадая за чтением книг, вы в чем-то из-за этого обедняете себя.

— Я считаю, что полезно в молодости пробовать себя в разных ремеслах, менять «круги общения», путешествовать. Но с другой стороны, мне кажется, ничто не заменит писателю глубокого знания литературы. Много читать я начал с восьмилетнего возраста, остался верен этой привычке и в студенческие годы (а я учился одновременно в двух вузах), всю последующую жизнь... И ничуть не жалею об этом. Чтение для меня — лучшее путешествие. Например, мои многочисленные зарубежные турпоездки, о которых я вспоминаю с удовлетворением, в профессиональном смысле дали очень мало. Но свою страну надо знать, потому что, познавая ее жизнь, лучше понимаешь людей, острее чувствуешь современность. И такими встречами я себя никогда не обделял. Ездил я очень много. И прочитанные книги, несмотря на все их обилие, никогда не затуманивали взгляд, не отвлекали, не рассеивали внимание. Напротив, я яснее видел живую жизнь, людей, быстрее схватывал суть характеров и явлений. Чтение учит многому — мышлению, наблюдательности, новизне взгляда.

В своих книгах вы постоянно возвращаетесь к мысли о человеческой порядочности, совести. Как бы вы сфор-

Мулировали понятие «порядочный человек»?

— Я выше всего ценю в людях доброту и мужество. Вероятно, сочетание этих черт и делает человека порядочным. Эти два качества должны определять его нравственную позицию. Для человека совершенно незаменимо умение видеть себя со стороны, научиться как бы отстраняться от себя с тем, чтобы в критических ситуациях оказаться самому себе строгим и беспристрастным судьей — своему делу, слову, поведению.

— К слову, о «критических ситуациях»... Нередко ваши книги, даже первую часть романа «Два капитана», критика встречала неодобрительно. Причем тон высказываний подчас был такой, что двадцатилетний Константин Симонов счел даже своим долгом ответить в печати вашим оппонентам. Что значило для вас и значат сегодня хула и похвала?

— Тому, как надо относиться к одобрению и неодобрению, меня учил Алексей Максимович Горький. Он говорил, что надо чувствовать себя независимым от того, что о тебе говорят, — хвалят или ругают. Разумеется, этот совет продиктован отнюдь не стремлением внушить мне равнодушие к критике. Иначе бы сам Горький не тратил столько времени на разбор моих первых, слабых произведений. А его письма с замечаниями и пожеланиями я получал вслед за появлением чуть ли не каждого из рассказов, составивших затем мою первую книжку. Мне было тогда лишь 19 лет...

Я считаю, что широта его похвал, адресованных мне, его многочисленные одобрения были рискованным шагом, который мог позволить себе лишь великий писатель. Он умел восхищаться — жаль, что теперь это не часто встречается в нашей литературной жизни.

— Разговор с вами особенно приятен тем, что вы — наш давний коллега. В годы Великой Отечественной вы были военным корреспондентом «Известий». Как с сорокалетней дистанции оцениваете людей, с которыми встречались

тогда, события, очевидцем которых были?

— Признаться, свою деятельность военного корреспондента я оцениваю не очень высоко. В годы войны мне было сорок лет и за сорок. Но скорее даже не возраст, а отсутствие опыта газетной работы, совсем иной подход к материалу становились причиной того, что другие военкоры часто «обходили» меня. Раньше успевали на место происшествия, плодотворнее работали, умели быстрее связаться со своими редакциями. Чтобы не отставать, мне пришлось изобрести свою форму освещения событий. Больше времени отдавал военным рассказам, основанным на подлинных фактах. Эти тридцать два рассказа выходили малыми тиражами, миллионными тиражами.

На Северный флот я приехал после годовых месяцев ленинградской блокады (в Ленинграде я был корреспондентом ТАСС) и сразу попал в среду, которая меня тепло приняла, узнал людей, которых оценил и полюбил. Эти люди — боевые моряки — и сегодня у меня перед глазами, стоит подумать о них, мужественные, сильные люди, навсегда ставшие нашей гордостью. В те годы флотом командовал Арсений Григорьевич Головкин, великолепно знавший свое дело, прямой, открытый, ценивший интеллигентность в каждом человеке.

Я вырос в офицерской семье, мне были хорошо знакомы благородные традиции лучшей части российского офицерства. На Северном флоте я убедился, что эти традиции живы, что офицеры, обладающие высокой профессиональной подготовкой, и в море, и на берегу живут по законам мужества и чести.

Я долго не писал о том, чему был свидетелем в те годы. Военная тема заняла огромное место в нашей литературе, и мне казалось, что я не сумею сказать свое слово. Но прошло двадцать лет, и я написал повесть «Семь пар нечистых», причем собирать материал для нее мне помог именно адмирал Головкин. Недавно я снова вернулся к военной теме — в романе «Наука расставания».

В настоящее время пишу о школе. Много лет она интересует меня, потому что от школы, от учителей — так много в наших пристрастиях, в наших характерах.

Литература, искусство не могут изменить жизнь, но изменить жизнь без их активного участия невозможно. Поучение без поучений — такова социальная функция настоящей литературы. В России всегда каждая серьезная книга превращалась, да и сегодня превращается как бы в письмо к совести и разуму читателя.

Вел беседу
А. ПЛУТНИК.